

В СЕГО лишь несколько лет назад Борис Васильев был известен нам прежде всего как сценарист. Писал для киножурнала «Новости дня», создал сценарии фильмов «След в океане», «На пути в Берлин», «Королевская регата», «Офицеры». Одни киноленты (например, «Королевская регата») впоследствии вызвали разочарование — «взял грех на душу», работа над другими не очень-то радовала. То главное, что должно было стать основным в его творчестве, вынашивалось еще долгие, долгие годы.

И вот — первое крупное и, безусловно, талантливое произведение Бориса Васильева — повесть «А зори здесь тихие». Успех очевиден: за несколько лет она неоднократно переиздавалась у нас и за рубежом, ставилась в театрах, была удачно экранизирована по его же сценарию.

В издательстве «Советский писатель» выходит новая книга молодого прозаика — роман «В списках не значился», с которым мы познакомимся по журнальной публикации. И сегодня уже можно говорить об основном направлении в творчестве писателя. Это — героизм молодых в годы Великой Отечественной войны.

БОРИС Васильев — человек военного поколения. С семнадцати лет воевал в комсомольско-истребительном батальоне, сорок суток пробыл в окружении под Смоленском, в плену, растапывая трупы убитых, форсировал в сорок четвертом Днепре. Одно время командовал взводом зенитчиц. Видел, как умирали... женщины. Личные впечатления о тех страшных событиях, еще и еще раз переосмысленных за долгие послевоенные десятилетия, и были положены в основу замечательной повести «А зори здесь тихие».

Об этом произведении много писала критика. И вот что трогает и поражает читателя в каждой встрече с «Зорями». В «Зорях» писатель рассказывает о событиях и судьбах не исключительных и не выдающихся. Трагедия, разыгравшаяся в междоузерье на Сньюнхиской гряде, — самые что ни на есть обыкновенные военные будни. Об этом не сообщало в своих сводках Совинформбюро. Рядовые люди погибали в рядовых для военного времени обстоятельствах. Но из такого вот «рядового» героизма плечом к плечу выра-

стал тот великий, массовый героизм, без которого победа, наверное, была бы невозможна.

Романом «В списках не значился» писатель продолжает тему героизма. Предметом изображения на этот раз он выбрал один из ярких, узловых моментов минувшей войны — защиту Брестской крепости.

Прежде всего — почему писатель взял Брест? Потому, наверное, что Брест был первым. Неострелянные, слабооруженные, еще не подготовленные к войне (враг попал внезапно) солдаты и офицеры первыми приняли на себя страшный удар врага, первыми в истории Великой Отечественной войны показали героическое упорство, воинское мужество и боевое мастерство. Обращение к Бресту помогло писателю поставить своих героев в условия невероятные, нечеловеческие, немислимые. В этих условиях, где вопрос ставился только так: «Умереть, но не уйти», где все доброе и дурные стороны человеческого характера предельно обнажились, писатель внимательно изучает нравственные силы, волю, стойкость и физические возможности советского человека.

КАК И КАЖДЫЙ НА ВОЙНЕ...

Начинается роман с того, что молодой лейтенант, с удовольствием «хрустя» новенькой португеей и погонами, новой кожаной кобурой на бедре и новыми, начищенными до блеска, хромовыми сапогами, отбывает к месту назначения.

...Первый бой. Грохот канонады, запах немецкого тола, от которого сжимается горло, растерянность, смерть... И не лейтенанта Николая Плужникова, а мальчика Колю, который «сидел» в нем, охватил самый банальный, самый обыкновенный страх перед смертью, когда из темноты монастырских подвалов, с тыла, появились немецкие автоматчики.

Потом «искупал вину кровью». Предательская боязнь за свою жизнь не прошла, но он все же бежал в атаку, кричал «ура», отчаянно дрался в рукопашной и... тонко, иступленно визжал. Не мог не визжать — все от того же проклятого страха, когда смерть в лице изуродованного, оглушенного, наверное, полоумного фашиста занесла над мальчиком Колей свою руку...

Героями не рождаются, героями становятся. И Борис Васильев стремится раскрыть психологию этого процесса, показать духовный рост своего героя, превращение «хрустящего» ремня розового оптимиста в Человека, солдата, защитника Родины. Постепенно с боями приходил военный опыт — Плужников становился холоден и расчетлив и поэтому более опасным для фашистов. Гибель товарищей наполняла его (от природы человека мягкого и доброго) гневом и вполне естественным желанием мстить. И даже нечеловеческие условия, в которые поставила Плужникова жизнь, ускорили этот процесс. Одних, например, Прищукова и старшего сержанта Федорчука, эти условия толкнули на самое страшное — предательство. Плужников же мучал, становился не просто самоотверженным — самоотреченным.

Прошло время, прежде чем лейтенант Плужников понял —

даже не понял, а почувствовал каждой своей клеткой, — что «человека победить невозможно, даже убив, что «человек выше смерти».

Когда главные очаги защиты Брестской крепости были подавлены, началось самое трудное: полубомороженные, полубоженные, полуголодные дни, недели, месяцы, гнетущий мрак пропыленных и грязных подвалов, запах разлагающихся под нарами трупов. Жизнь в крепости казалась невозможной. Тем не менее, крепость жила. Жила и сражалась. «Днем они (враги) упорно продвигались по запутанному лабиринту колышевых казарм, стремясь оставить за собой развалины, а ночью развалины эти — подорванные саперами, взметенные прицельной бомбежкой и додела выжиженные огнеметами, оживали вновь. Израненные, опаленные, измотанные жаждой и боями скелеты поднимались из-под кирпичей... И немцы боялись темноты»...

Лейтенант Плужников жил и сражался до тех пор, пока существовала хоть малейшая возможность жить и сражаться. Когда этой возможности уже не было, он покинул казематы. Непобежденным, «свободным и после жизни» погиб лейтенант Плужников «смертью поправ».

К моменту, когда у Бориса Васильева родилась мысль написать о Бресте, читатель уже хорошо знал произведения Симонова, Сергея Смирнова... Не повториться, сказать что-то свое, «васильевское», пойти своей дорогой к истории защиты Брестской крепости — такая пелегкая задача стояла перед писателем. И удачному решению ее во многом, на мой взгляд, способствовал избранный Борисом Васильевым такой прием изображения действительности, который критики, применительно к творчеству Васильева, называли «эпизод-эпопея». То есть такая манера изложения, при которой жизнь одного человека,

например, лейтенанта Плужникова, принимает поистине эпический размах.

Несмотря на выдающийся подвиг лейтенанта Плужникова, личность его — самая что ни на есть обыкновенная, не окутанная ореолом сверхъестественного мужества, воли и духа. То, что он сделал — и это настойчиво подчеркивается автором, — мог сделать (и делал по мере возможности) любой защитник Брестской крепости. А лейтенанту Плужникову «везло», как ни горько это «везение». Несколько раз пули, предназначенные для него, находили другие жертвы. И если бы Плужников погиб в первые часы войны вместо сержанта-пулеметчика или чуть попозже вместо рядового Петра Салыникова, то, возможно, кто-нибудь из этих двоих сделал бы то, что было предназначено сделать Плужникову. А может быть, это сделал бы капитан, потерявший звание, или Володька Диничкин, умерший от рап, или тот неизвестный пограничник, который вместо замешкавшегося Плужникова прыгнул в изрыгающее огонь окоп читателя и пал, пропитый насквозь... Поэтому история-эпизод лейтенанта Плужникова — не просто история жизни и смерти отдельной личности. И даже не история защиты Брестской крепости. Во многом — это эпопея героической борьбы советского народа против фашистов. И прототипами лейтенанта Плужникова можно считать тысячи и тысячи советских солдат и офицеров, павших в этой жестокой борьбе.

Самое привлекательное в творчестве Бориса Васильева, на мой взгляд, это то, что он не ставит своей целью воссоздать картину подвига (остановившись на этом — и его произведения вряд ли нашли бы такой горячий отклик у читателей). Подробно рассказывая о прошлом своих юных зенитчиц и старшины Васкова из «Зорь», заостряя внимание читателей на процессе психологического становления лейтенанта Плужникова и на неожиданных случаях, благодаря которым он не погиб в первые дни войны, писатель стремится не только глубоко и всесторонне отобразить жизнь.

Осторожно, руководимый логикой жизни и интуицией писателя, исследует он историю героизма, дает его нам в зародыше, в развитии, в реальном воплощении. И пусть об этом не говорится прямо и ясно, но истоки героизма в годы Великой Отечественной войны — и это звучит в его книгах — Борис Васильев видит в самой идее советского строя, в его исторической сущности. «...Мальчика, осознавшего идею советской власти», — говорит он в интервью журналу «В мире книг», — победить нельзя. Потому что, вооруженный этой идеей, он не просто юный солдат, он сам — потенциально, независимо от обстоятельств, от жизни и смерти — победитель. Система воспитания привела к тому, что его нельзя согнуть, нет мук, которых он не вынес бы».

В. ЕФАНОВ,
студент журфака
БГУ им. В. И. Ленина.